

Наша цель — не наводнение мира автомобилями,
а ликвидация бедности путём высоких зарплат.
Освободите человека от заботы о куске хлеба —
и мысли его устремятся ввысь.

Генри Форд

Предисловие

О смысле

Не гасим ли мы радость жизни, противопоставляя саму жизнь зарабатыванию на жизнь? Остаётся ли что-нибудь на жизнь после зарабатывания? Техника и энергия, деньги и товары нужны нам постольку, поскольку они дают какие-то степени свободы. Они лишь средство. Например, автомобили с моим именем, бегающие по всему миру, для меня не просто автомобили — это реальное доказательство такой теории бизнеса, которая позволяет сделать мир лучше. Динамика роста «Форд Мотор Компани» наглядно демонстрирует правоту теории. И этот факт позволяет мне критиковать нашу промышленную, денежную и общественную систему с позиции человека, не пострадавшего от системы, т.е. объективно.

Система устроена так, что если бы мне были нужны только деньги, то и мечтать было бы не о чём: деньгами она меня обеспечивает в достатке. Но я думаю о пользе. Нынешняя система не позволяет давать и получать максимум пользы, потому что она поощряет любые виды затрат и потерь. И ведёт она в никуда.

При всех восторгах о невиданном прогрессе развитие нашей страны только начинается. Да, прогресс заметен, но если сравнить сделанное с тем, что ещё предстоит, то все наши достижения выглядят очень скромно: для одной только вспашки земли энергии

требуется больше, чем для всей промышленности страны.

Когда говорят о наступлении техники и промышленности, рисуется мрачная картина железного, механического мира, наполненного лязгом и скрежетом, где механические люди обслуживают механическое оборудование и заводы вытесняют и душат природу. Так ли это в действительности? Думаю, пока мы не будем лучше понимать техническую компоненту жизни, нам трудно будет выкраивать время, чтобы радоваться той же природе.

Я не имею ничего против общей привычки испытывать новые идеи сарказмом. Лучше скептически требовать доказательств, чем бросаться в каждую «гениальную» идею. Скептицизм, если понимать под ним осторожность, — это стабилизатор цивилизации. Большинство проблем в мире происходит от принятия новых идей без предварительного изучения, действительно ли они так хороши. Идея не обязательно хороша только потому, что она стара, и не обязательно плоха, если она нова. Но если старая идея работает, то реальность — на её стороне. Идеи сами по себе очень ценны, и они есть почти у каждого, но значение имеет их реализация на практике.

Идеи, реализованные нами, могут применяться не только к автомобилям и тракторам, а в качестве универсального естественного принципа. Естественный способ добиться чего-то — это работать. Достаток и счастье добываются только честным трудом. Человеческие беды вытекают, как правило, из попыток

обойти этот естественный принцип. А раз надо работать, то лучше делать это с умом. И чем лучше мы работаем, тем лучше для нас. Всё, что я постиг, — это необходимость элементарного здравого смысла.

Я не реформатор. В мире вообще слишком много реформаторства, и мы уделяем этим ребятам слишком много внимания. Есть два типа реформаторов. Одни готовы разорвать рубашку только потому, что пуговица не проходит в петельку. Для них опыт и реформы несовместимы. Такой не может держать свой накал перед фактами, поэтому он не признаёт факты. С 1914 года многие стали называться новыми интеллектуалами. Им открылось, что смотреть на мир можно критически, и нашли они его порочным. Опьянение критикой социальной системы раскачивает. Чем моложе критик, тем его сильнее качает. Он готов разрушить весь старый мир, чтобы строить новый.

Они реально делают это в России. Их пример — другим наука. Мы видим, что разруху инициирует не большинство, а меньшинство. Также мы видим, что, хотя люди могут издавать законы, противоречащие законам природы, природа блокирует такие законы жёстче, чем это делал царь. Природа заблокировала всю Советскую республику, потому что она отрицает природу. Более всего она отрицает право людей на плоды своего труда.

Кто-то говорит: Россия должна работать. Бедняжка работает, но это не свободный труд. У нас рабочий день — 8 часов; там — от 12 до 14. У нас, если рабочий хочет отдохнуть денёк или неделю и может себе это

позволить — никаких вопросов. В России, под Советами, человек идёт на работу — хочет или нет. Какая может быть свобода при тюремной дисциплине? Это рабство. Свобода есть право работать меньшее время и получать за это меньший заработок, лишь бы обеспечить собственную жизнь. Совокупность этого и многих других пониманий свободы и составляет великий идеал Свободы. Меньшими формами свободы пропитаны будни каждого из нас.

С комитетами на заводы России пришли застой и разруха; митингов и дискуссий — больше, чем работы. С изгнанием квалифицированных специалистов тысячи тонн ценных материалов ушли в отходы. Фанатики заболтали народ до голода. Теперь Советы предлагают большие деньги тем самым специалистам, которых повыгоняли, чтобы те вернулись. Всё, что эта «реформа» дала России, — развалила производство.

Те же самые силы, что развалили Россию, хотят повторить всё это здесь. Для начала им нужно вбить клин между руками и мозгами производства.

Есть и другой тип реформаторов. Если радикалы опыта не имеют и не хотят иметь, то у этих опыта предостаточно, но толку от этого мало. Я говорю о реакционерах. Они тянут назад, к старым порядкам, но не потому, что те порядки лучше, а лишь потому, что якобы их лучше знают.

Важно распознавать реакционное толкование возврата к здравому смыслу. Мы пережили фейерверочный во всех отношениях период. Пока мы слушали зажигательные речи, огонь в очаге погас. Движение

было броуновским, а не поступательным. Реакционеры пользуются разочарованием и обещают «старые добрые времена», что обычно означает отжившие порядки. А так как умом они не блещут, то иногда сходят за «реалистов».

Одна толпа хочет снести весь мир, чтобы построить лучший. Другая — держится за старое, какое оно ни есть, чтобы дать ему догнить. Обрушить этот мир вполне реально, однако можно ли построить новый? Можно преградить миру движение вперёд, но можно ли затем остановить качение назад? Желать того или другого — не признак ума, ибо, если всё будет опрокинуто, каждый получит трёхразовое питание. Или, если всё застынет как есть, можно рассчитывать на 6 % годовых. Проблема в том, что и реформаторы, и реакционеры одинаково далеки от реальности — от базовых функций.

Базовые функции: сельское хозяйство, промышленность, транспорт — это три кита, на которых стоит мир. Выращивание, производство и доставка так же примитивны, как и человеческие потребности, и столь же вечно актуальны. Они — основа физического бытия. С их прекращением прекратится общественная жизнь. Основа общества — люди и средства для *выращивания, производства и доставки*. Пока живы сельское хозяйство, промышленность и транспорт, мир переживёт любые общественные перемены.

Работы — предостаточно. Бизнес и есть работа. Спекуляция с готовыми продуктами — не бизнес. Это лишь слегка прикрытое жульничество, которое

не запретить законом. Законы вообще не способны ни к чему конструктивному. Законотворцев мы перевидали достаточно. Многие думают, что Вашингтон — это своего рода небеса, где за облаками обитают всеведение и всемогущество. Ни к чему хорошему это заблуждение не ведёт. Наше спасение — не в Вашингтоне, а в нас самих. Скорее мы можем помочь Вашингтону как некому центру распределения и координации наших усилий для общего блага.

Лозунг «Меньше правительства в бизнесе и больше бизнеса в правительстве» хорош не только для бизнеса или правительства, но и для народа в целом. Соединённые Штаты были основаны не ради бизнеса. Декларация о независимости — не контракт, и Конституция — не коммерческий план. Соединённые Штаты — их земля, народ, правительство и бизнес — средства, которыми жизнь людей делается достойной. Бизнес и правительство необходимы в качестве слуг, как вода и зерно; в качестве хозяев они нарушают естественный порядок. Если народ станет принадлежностью правительства, начнёт работать закон возмездия, ибо такое соотношение противоестественно, бесчеловечно и аморально.

Благосостояние страны складывается из благосостояния каждого из нас. Так оно и должно быть. Правительство может обещать, мутить с деньгами (как банкиры делают это по всему миру), солидно обставляя абсурд и пустышки, но не может производить. Производить блага может работа и только работа — в глубине души это знает каждый.

Для здравомыслящих людей нет смысла в разрушении основ экономической жизни. Большинство людей знают, что нечто из ничего не бывает. Многие чувствуют, даже если не знают, что деньги не есть богатство. Теории, обещающие каждому всё и не требующие ни от кого ничего, нормальный человек не примет инстинктивно, даже если не может объяснить причины. Он знает, что так не бывает, и этого достаточно. Существующий порядок, всегда неповоротливый, часто дурацкий и во всех отношениях несовершенный, имеет одно преимущество перед любым другим: он работает.

Несомненно, наш порядок постепенно заменится другим, и новый также будет работать — но не потому, что он вот такой, а потому, что он будет удобен людям. Причина, почему большевизм не работает, — не экономическая. Частное ли производство, или общественное; получают ли рабочие зарплату или дивиденды; распределяете вы людям одежду и жильё или предоставляете им жить на их усмотрение — не важно. Всё это лишь детали. Неспособность большевистских лидеров видна в суете вокруг этих деталей. Большевизм не работает потому, что он противоестественен и аморален. Наша система стоит. Она неудачна? Конечно — по тысяче пунктов! Она неуклюжа? Да, неуклюжа. По всем признакам она должна развалиться. Но не разваливается, потому что стоит на экономическом и моральном фундаменте.

Экономический фундамент — труд. Труд есть человеческий элемент, делающий плодоносный сезон

полезным для людей. Человеческий труд делает урожай таковым. Основа экономики: каждый из нас работает с материалом, который мы не создавали, — он подарен нам Природой.

Моральный фундамент — право человека на плоды своего труда. Иногда это называется правом на собственность. Иногда звучит заповедью: «Не укради!» Право человека на его собственность делает воровство преступлением. Когда человек заработал свой хлеб, он получил и право на него. Если кто-то его украл, то совершил нечто большее, нежели украл хлеб, — посягнул на священное право человека.

Если мы не производим, мы не можем иметь. Кто-то говорит: мы производим для капиталистов. Те, кто стал капиталистом благодаря лучшей организации производства, — основа общества. Они управляют производством на пользу всем. Те же из них, кто растёт на «делании денег» — временное неизбежное зло. Они могут не быть злом, если их деньги идут в производство. Если их деньги работают на возведение барьеров между производителем и потребителем, на усложнение распределения, они вымрут, когда функционирование денег улучшится. А произойдёт это, когда полностью реализуется принцип, что здоровье, достаток и счастье неизбежны через труд и только через труд.

Нет причин для того, чтобы человек, желающий работать, не мог бы работать и получать сполна. Также нет причин и для того, чтобы тот, кто может, но не хочет работать, не получал бы того, что заработал. Если он ничего не даёт, то ничего и не должен получать.

Утверждая, что каждый должен иметь больше, чем заслуживает, только потому, что некоторые получают больше того, что заслуживают, мы никуда не придём.

Не может быть утверждения более абсурдного и вредного для человечества, чем то, что все люди равны. Люди не могут быть равны, и любая демократическая концепция, уравнивающая людей, только блокирует прогресс. Люди не могут быть одинаково полезны. Людей более способных численно меньше, чем менее способных. Толпа бездарей может затоптать или утопить одарённых, но тем самым они топят и себя. Одарённые дают обществу лидеров и возможность всем остальным жить с меньшими усилиями.

Демократическая концепция равенства способностей ведёт к потерям. В природе нет двух одинаковых вещей. Мы строим наши автомобили абсолютно взаимозаменяемыми. Все детали — один к одному — вытачиваются на лучшем оборудовании, лучшими руками. И два «Форда», стоящих рядом, кажутся совершенно одинаковыми, и сделаны они совершенно одинаково: любую деталь одной машины можно смонтировать на другую — всё одинаково. Но нет. На ходу они ведут себя по-разному. У нас есть люди, водившие сотни и даже тысячи «Фордов», и они говорят, что в езде нет даже двух одинаковых. Если водитель погоняет новую машину час или даже меньше, а затем спрятать её среди других таких же новеньких машин, так же обкатанных в течение часа в тех же условиях, он не узнает ту машину «в лицо», но узнает её за рулём, на ходу — по «характеру».

Я говорил в общем. Давайте более конкретно. Человек должен жить на уровне, соизмеримом с пользой, которую он приносит обществу. Сейчас самое время вспомнить об этом, так как недавно у нас был период, когда польза оказалась на последнем месте изо всего, о чём люди могли думать. С тех пор, когда покупатель благодетельствовал продавца, ситуация изменились до того, что продавец оказывает милость покупателю. Отношение к публике часто даже не наплевательское, а ругательное. Монополия и спекуляция — враги бизнеса. Нехватка стимула шевелиться вредит ему. Бизнес, как курочка, не может быть здоров, если не прилагает усилий, выцарапывая зёрнышки. Всё получалось слишком легко. Стало не нужно приспособливаться к потребителю. Произошёл отход от честного соотношения между ценностью и ценами. Кто-то называл то состояние процветанием. Но это было не процветание: бессмысленная гонка за деньгами не есть бизнес.

Имея продуманный план, нетрудно оказаться под кучей денег, затем, пытаясь сделать ещё больше денег, упустить из виду, что продавать людям надо то, что нужно им. Бизнес с прицелом на деньги — самый ненадёжный. Это разовые, нестабильные «темы», редко плодоносящие дольше нескольких лет. Функция бизнеса — производить для пользы, а не для денег. Производство для пользы подразумевает высокое качество продукта и низкую цену, а продукт должен служить людям, а не производителю.

Благополучие производителя зависит от пользы, которую он несёт людям. Какое-то время он мо-

жет обслуживать самого себя, но когда люди поймут, что он даёт не то, радоваться он будет недолго. В период подъёма производители не думали о потребителях, а когда люди перестали нести им свои деньги, многие разорились. Это они называют депрессией. Но ведь они просто ставили телегу впереди лошади и получили единственно возможный результат. Жадность к деньгам — вернейший путь остаться без них. А если работать с прицелом на реальную пользу, вопрос о деньгах решается сам собой.

Деньги приходят как естественный результат полезного дела. Деньги нужны. Но нельзя забывать, что предназначение денег — не праздное безделье, а полезная работа. Любая схема с отменой денег только усложняет дело, так как они нужны как средство измерения. Хороша ли наша денежная система как базис обмена — это ещё большой вопрос. Суть моих претензий к нынешней денежной системе в том, что она вместо содействия производству и обмену стала самоцелью и тормозом.

Кроме всего прочего, бедность происходит и от бесстолковой работы. На действительно полезную работу средний фермер тратит, думаю, не более 5 % всех своих усилий. Не только всё делается вручную, но и смысла в порядке часто никакого. За день он с десятков раз поднимется и спустится по еле живой лестнице. Вместо того чтобы пустить воду по трубе, он будет таскать её вёдрами. Вкладываться в улучшения — для него роскошь. Если работы много, всё, что придёт ему в голову, — нанять ещё людей. Поэтому не-

удивительно, что даже при самых низких ценах продукция фермы слишком дорога, а самые большие доходы фермера слишком малы.

Причины незавидного состояния фермы — в нехватке знаний о том, как строить работу эффективно, о самих понятиях работы и эффективности. Фермер верит в удачу и предков, он не знает, как производить экономично и не умеет торговать. Промышленник с такими данными в бизнесе не задержится. То, что фермер держится, говорит о невероятной рентабельности сельского хозяйства как такового. Когда фермер почувствует себя производителем, со всею недопустимостью потерь — материалов или труда — продуктов фермы будет столько и подешевеют они так, что причин для голода не останется, а сельское хозяйство станет одним из самых доходных занятий. На моей ферме в Дирборне всё механизировано. Мы сократили великое множество потерь, но до реальной экономии ещё далеко. И всё же никогда не было, вне зависимости от цен на продукцию, чтобы мы не получили хорошую прибыль.

Сделать производство низкозатратным и высокопроизводительным на заводе или ферме — а такое производство означает достаток для каждого — не так сложно. Проблема — в общей тенденции усложнять даже самые простые вещи. Мой идеал — простота. Люди имеют так мало и стоит всё так дорого именно потому, что почти всё, что мы делаем и что у нас есть, намного сложнее, чем нужно. Одежда, еда, домашняя утварь — всё может быть намного проще и лучше. В прошлые века вещи делались теми способами,

в тех вкусах и т.д., а производители никак не откажутся от тех традиций.

Я не имею в виду принятие вычурных стилей. Одежда не должна быть мешком с дырками для головы и рук. Сделать такую просто, но кто её будет носить? Под реальной простотой понимается нечто, дающее максимальную пользу и максимально удобное в использовании. Возьмите что-нибудь нужное и уберите из него всё лишнее. Убирая лишнее и упрощая необходимое, мы снижаем стоимость производства. Это применимо для всего: обувь, одежда, жильё, оборудование, пароходы, самолёты... Логика проста, но, как ни странно, обычно процесс начинают с удешевления производства, а не упрощения изделия. Во-первых, надо убедиться, добротнo ли оно сделано, даёт ли оно максимально возможную пользу. Затем — действительно ли материал самый лучший, или только самый дорогой. Далее — можно ли упростить конструкцию, снизить вес, и т.д.

В лишнем весе изделия смысла не больше, чем в кокарде извозчика. Хотя нет, по кокарде извозчик может узнать свою шляпу, а лишний вес даёт только потерю мощности. Не могу понять, откуда взялся этот бред, что вес пропорционален мощности. Для забивки свай это верно, но зачем возить тяжесть, если мы не собираемся ничего ею заколачивать? Зачем закладывать лишний вес в автомобиль? Не лучше ли добавить его в груз, для перевозки которого автомобиль предназначен? Толстяк не может бегать, как худой. Но мы строим большинство машин так, будто жир даёт скорость.